

© Д. В. Токарев

КНИГА О Д. ХАРМСЕ И Р. ДОМАЛЕ*

Книга Татьяны Огарковой «Другой авангард: метафизика, возвращение к традиции и религиозные искания в произведениях Рене Домала и Даниила Хармса» посвящена двум знаковым персонажам французского и русского авангарда, продемонстрировавшим в своем творчестве не только возможности авангардного письма, но и его внутренние противоречия, преодолеть которые они пытались за счет обращения к метафизике, религии, оккультизму, традиции в широком смысле слова, включающем в себя и возрожденный интерес к литературе «отцов», «предшественников» (в случае Домала и Хармса к романтикам и символистам).

Действительно, в самой семантике слова «авангард» заложено значение преодоления, противопоставления себя чему-то отжившему, устаревшему. Быть авангардистом — значит отрицать что-то, причем отрицать радикально, безжалостно сокрушая как основы общественного устройства, так и основы искусства, это устройство отражающего. Малевич в статье «От Сезанна к супрематизму» утверждал, что Микеланджело, изваяв Давида, лишь испортил прекрасный кусок мрамора. Статуя Давида, по Малевичу, — лишь копия действительности, причем действительности неистинной, ложно понятой художником. Достижение же истинной, глубокой реальности немислимо без разрушения Давида, разрушения, символизирующего революционную трансформацию как тела общественного, так и тела индивидуального. В политике художественный авангард ассоциируется с левым радикализмом, поскольку именно левые радикалы выступают против власти отца, авторитета и стремятся, в конечном счете, к обществу, в котором свобода индивидуума будет максимальной. Разрушая структуры государства, они разрушают и национальные границы, мечтая об интернациональном единстве людей. Примером группы, исповедующей яростный антипатриотизм, антиклерикализм, стремящейся к максимальному расширению своего состава за счет художников других стран, являются французские сюрреалисты.

Но возможен и «уклон», условно говоря, правый, тот, который находит способ своего существования в возвращении к национальным корням, вырванным из тела матери-земли молохом индустриальной цивилизации. Речь идет, по сути, о повороте истории вспять, об обретении синкретического

единства человека и почвы. На первый взгляд, примером такого возвращения к корням является творчество Антонена Арто, который противопоставлял культуру и цивилизацию, делая выбор в пользу культуры, культуры архаической, пропитанной соками земли. Отсюда его интерес к магии индейцев племени тараумара в Мексике, к древним жертвоприношениям в Сирии времен императора Гелиогабала, вообще, ко всему, связанному с инициацией, с тайным знанием, неподвластным течению времени. Однако Арто, как и всякий посвященный, осознавал глубинное единство эзотерических доктрин и представлений, их укорененность в некоем всеобщем высшем знании, существовавшем еще до разделения человечества на расы и народы. Отвергая реалистическое искусство и общество потребления, Арто уповал не на прогресс, как это делали многие авангардисты, а на регресс, который он интерпретировал как возрождение наднационального мистического откровения. Вообще, в традиционных культурах проблема прогресса просто не ставится, поскольку традиция — это передача знания об истине, а истина неподвластна течению времени и не имеет национальных границ.

Рене Домаль (1908—1944), творчество которого в России и поныне известно еще очень плохо, был близок Арто в своем восприятии времени и вечности, движения и покоя, цивилизации и культуры. Входя в 1924—1927 годах в близкую к сюрреализму группу «симплистов», а затем в группу «Большая игра» (Grand Jeu, 1928—1931), члены которой стремились к демаркации границ между собой и сюрреалистами, Домаль, с начала 1930-х годов и вплоть до своей смерти от туберкулеза в 1944 году, шел по пути духовной и физической аскезы, литературными плодами которой стали поэтический сборник «Противо-небо», романы «Большая попойка» и «Гора Аналог» (незакончен), философские эссе и даже санскритская грамматика.

О творческой эволюции Хармса, приведшей его от зауми к литературе абсурда, известно теперь достаточно, чтобы определить эту эволюцию как вполне органическую. Жан-Филипп Жаккар в своем классическом труде «Даниил Хармс и конец русского авангарда» (1991; рус. пер. 1995) обозначил те ее ключевые моменты, которые позволяют сопоставлять наследие Хармса с творчеством таких европейских писателей, как Анри Мишо, Сэмюэль Беккет, Эжен Ионеско, Альбер Камю. Домаль занимает в этом ряду одно из важнейших мест: именно тексты Домала помогают Жаккару сформулировать свои выводы в заключительной части его монографии, каждой главе которой предпослан

* *Ogarikova T. Une autre avant-garde. La métaphysique, le retour à la tradition et la recherche religieuse dans l'œuvre de René Daumal et de Daniil Harms. Bern etc: Peter Lang, 2010. 548 p. (Slavica Helvetica. Bd 81.)*

эпиграф из французского поэта. С тех пор появление исследования, посвященного сравнительно-типологическому анализу текстов Хармса и Домале, оставалось лишь вопросом времени. Книга Огарковой, написанная на основе диссертации, защищенной в университете Париж-ХII в 2007 году, стала, по сути, развернутым, пятисотстраничным комментарием к положениям, так убедительно сформулированным Жаккаром. В этом ее сила — поскольку работа опирается на крепкое «основание», — но и некоторая ее слабость, ведь исследование написано для того, чтобы подтвердить исходное и не подвергаемое сомнению положение, а именно то, что Хармс и Домаль очень похожи как в экзистенциальном, так и творческом смысле, и что оба они могут быть отнесены к некоему «другому», «антимодернистскому» авангарду. Без сомнения, Огарковой удастся убедительно продемонстрировать, каким образом происходит «мутация» авангардистской поэтики и идеологии, причем многие пассажи книги свидетельствуют о глубоком проникновении в материал, однако из-за того, что выводы, к которым приходит автор, известны в принципе с самого начала, книга, к сожалению, оказывается во многом лишенной интеллектуальной «интриги».

Вызывает вопросы и то, каким образом происходит собственно сравнение Хармса и Домале: поскольку книга поделена на пять частей (каждая из них состоит из двух глав), заглавия которых говорят о желании автора концептуализировать направления своего исследования («Авангардисты в поисках Абсолюта», «Авангардисты-антимодернисты», «На переломе 1930-х годов: проза как модель противомира», «Смех: от абсурда к испугательному смеху», «Трансцендентность. Поэтические молитвы. Проза как модель спасения»), логично ожидать, что внутри каждой части (и каждой главы) «линия» Хармса и «линия» Домале будут постоянно пересекаться, взаимно «оттеняя» друг друга. В реальности все не так: сначала рассказывается о Домале, затем о Хармсе, затем опять о Домале, опять о Хармсе, и только в конце части на двух-трех страницах сравнивается то, что было сказано о каждом в отдельности. Если механически подсчитать, сколько страниц отведено собственно сравнительному анализу, то окажется, что несколько десятков страниц, не более.

Та часть книги, которая посвящена Домалю, могла бы стать открытием этого писателя для русской публики, но поскольку книга написана по-французски, это неизбежно сужает круг ее потенциальных читателей. В этот круг вряд ли войдут и те, кто профессионально интересуется Хармсом: во-первых, опять же из-за языковой проблемы, а во-вторых, потому что трактовки Огарковой

достаточно традиционны и не претендуют на то, чтобы сказать что-либо принципиально новое по поводу хармсовской поэтики. Интенция автора другая — обобщить то, что уже известно, таким образом, чтобы обозначить те ключевые моменты эволюции Хармса, которые позволяют сопоставить его с Домалем. И эта задача выполнена, но опять же возникает вопрос — если углубленное аналитическое исследование собственно поэтики Хармса и собственно поэтики Домале является для Огарковой в сущности второстепенной задачей, хотя при этом, как уже говорилось, конкретному сопоставлению двух авторов отведено не так уж много страниц, кому же тогда адресована книга? На этот вопрос сам автор отвечает в «Предупреждении»: поскольку оппоненты диссертации были в основном не русскоговорящими (за исключением Жаккара, разумеется), то и сама работа, как указывает Огаркова, не является традиционным славистическим исследованием. И далее: «Формальная его сторона (французская транслитерация, перевод цитат, библиография и т. п.), а также наличие некоторых избыточных на взгляд специалиста по России пояснений связаны прежде всего со стремлением издателя заинтересовать не только русистов, но и франкоязычного читателя, в том числе специалистов по французскому авангарду и, в частности, специалистов по творчеству Рене Домале и его поколения» (с. XVI). Как представляется, многие характерные (прежде всего для хармсовской части) особенности текста — экстенсивное развертывание изучаемых сюжетов, слабый интерес к собственно анализу текста, недостаточное количество ссылок на вторичные источники (скажем, глава о влиянии Николая Лосского на Хармса написана так, как будто об этом никто раньше не писал), отсутствие полемичности по отношению к высказанным другими хармсоведами мнениям — объясняются подобным выбором адресата: это не специалист по Хармсу и русскому авангарду, а специалист по Домалю и авангарду французскому. При этом внимание последнего — а в России, к слову, таковых довольно мало — будет приковано не к страницам, посвященным Домалю, поскольку там он вряд ли найдет что-то для себя новое, а к хармсоведческой составляющей работы. Налицо довольно запутанная с точки зрения потенциального читателя ситуация: изданное в серии «Slavica Helvetica» исследование, добрая половина которого связана со славистической тематикой, определяется самим автором как не вполне славистическое и адресуется в основном не славистам. Но сможет ли оно заинтересовать их, ведь о том же Хармсе уже написана замечательная книга Жаккара, доступная как во французском, так и русском варианте?